

Н. В. Гюнтер
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель д.ф.н., доцент Е.А. Худенко

ПОТУСТОРОННЕЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

Наибольший интерес в произведении в контексте поставленной проблемы вызывает вторая часть произведения Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (2001). В ней автор создает пространство «паранормального, ирреального» мира. Данный мир организован на различных уровнях и различными способами. Перечислим некоторые из них: 1) через наполненность стихиями (огонь, вода, земля, воздух); 2) через введение другой системы координат; 3) через религиозно-мифологическую символику.

Улицкая вводит читателя в мир потусторонний весьма специфично, так как мы не сразу понимаем, является ли это сном главной героини романа – Елены, либо же все действие происходит наяву. С самого начала дана сцена метаморфозы: «Женщина задрала подол и удивилась, увидев свои ноги – они были в грубых трещинах. Кожа около трещин заворачивалась розовыми пересохшими трубочками. Она постучала по ним, и они отлетели, точь-в-точь как краска со старых манекенов. Она с удовольствием начала обскрепать эту засохшую краску, из-под которой сыпалась грязная гипсовая пыль, и внутри открывалась новая молодая кожа...» [2, с. 93]

Также перейти в потусторонний мир Елене помогают кошки, которые окружали ее с момента болезни. Как мы знаем, кошка является проводником в эти самые миры: «Я осталась совсем одна», – проскользнуло в мыслях. И тут же она почувствовала легкое движение у ног – серая, с извилисто-темными полосками на боках, простопородная кошка коснулась ее голой ноги. Одна из бесчисленных Мурок, сопровождавших ее всегда. Она наклонилась, погладила выгнутую спинку. Кошка отзывчиво мурлыкнула. И вдруг все изменилось...» [2, с. 95]

С первых строк этой главы мы видим параллели с пророком Моисеем и его походом через пустыню: «Песок, подхваченный током воздуха, тонко звенел, ударяясь на лету о прозрачные стебли сухих ломких растений. Все стороны горизонта были затянуты дымкой, и никаких признаков светил в небе не было. Маленькие вихри заворачивались вокруг слабых мелких холмов, рассеивались, снова возникали» [2, с. 92].

В мире паранормальном Улицкая вводит персонажа, которого называет Иудей, это персонаж-зеркало, друг Павла Алексеевича Кукоцкого – Илья Гольдберг. Иудей, подобно Гольдбергу, ведет Бритоголового-Кукоцкого по пустыне, давая наставления и оставляя лишь тогда, когда Бритоголовый смог сам продолжить путь. Как указывают исследователи, «происхождение имени

Моисей – предмет полемики среди ученых. На древнееврейском языке имя «Моисей» означает «вынутый из воды» или «спасенный из воды» [3, с. 26].

Эта этимология используется автором и для образа Елены. Как мы знаем, в мире нормальном, Елена имеет расстройство памяти и, с годами, лишь во время принятия ванны, она снова становилась собой, начинала разговаривать и открываться миру. Забытая и забитая, погружаясь в воду, она начинала общаться с миром, что являлось неким чудом для ее внучки.

Мотив омовения и своеобразного смыывания грехов водой (крещения) переносится Улицкой и в потустороннее пространство. Оппозиция «песок-вода» перестает функционировать в ирреальном пространстве, и та, и другая стихия начинают выполнять тождественную функцию – перерождения. Теперь попробуем разобраться в символе огня, который постоянно горит в потустороннем мире: «Возле огня происходило что-то, прежде ей неизвестное» [2, с. 92]. Недаром персонажи произведения разводят огонь на протяжении всего перехода через пустыню. Стихия воздуха проявляется у Улицкой в виде ветра, который является у нее живым, постоянно изменяющим свою форму и вид. Ветер в произведении является символом возрождения, а в высшей точке активности – это смерч.

У Улицкой в паранормальном мире возникает идея многомерности и многоистинности. В этом пространстве вводится другая, по сравнению с евклидовой геометрией, система координат: «Да здесь что-то не то с системой координат – догадалась в какой-то момент Новенькая...

– Хочешь задать мне вопрос?

– Хочу... Здесь какая-то другая система координат?

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Совсем другая.

– То есть... Не трехмерная?

– Она множественная здесь – у каждого своя, – он улыбался тонкими губами, ветер шевелил остатки серых волос, росших немного над ушами и на затылке, под голым темечком <...>

– Ага, время, выходит, есть...

– А ты как думала? Есть, конечно, и не одно. Их, времен, несколько, и они разные: время горячее, время холодное, историческое, метаисторическое, личное, абстрактное, акцентированное, обратное, и еще много всяких других... – Он встал. – С тобой приятно разговаривать...» [2, с. 96]

Елена в мире нормальном занималась черчением для того, чтобы постараться запечатлеть объем вещи на плоскости, но в потустороннем мире она понимает, что пространство и время здесь изломаны, время пластично и подвластно изменениям, причем доступным на ощупь в том числе. Также в создаваемом автором пространстве присутствуют отголоски платоновской эстетики геометризма: душа здесь обретает свою истинную телесную форму. «Предмет эстетического сознания есть такой же синтез, но объективированный, данный как субстанция. Это «душа», ставшая «живым существом». «Живое», стало быть, и есть специально эстетический предмет в своем объективном существовании. «Живое» имеет свой лик, свое

выражение, воплощается в адекватной выразительной форме, в которой внешне зафиксирован внутренний трепет жизни» [1, с. 181].

Кроме того, идея многомерного мира развивается не только в пространственно-временном отношении, но и через использование символики самых различных конфессий и религий. Так, в центре этой части романа – фигура Иудея, задающая ветхозаветные коды для прочтения текста. Однако на одном иудаизме Улицкая не останавливается, так как она не находит истины через предпочтение одной культуры – отсюда вытекает и заявленная ранее многоистинность мира.

В потустороннем пространстве отчетливо видны параллели с такой ветвью христианства, как католицизм. Все происходящее во второй части можно назвать неким «чистилищем», так как все персонажи проходят через ряд испытаний, исполняя которые, они завершают свое предназначение.

Все герои второй части произведения «Казус Кукоцкого» попадают в этот паранормальный мир с какой-либо незавершенной в земной жизни миссией. Например, Толстуха, которая несла свой груз беременности почти до конца путешествия, а затем испытала многоплодные роды, или Бритоголовый – в мире нормальном он был врачом. Улицкая убеждена, что именно профессия врача связана с деятельностью священника, жреца, и только врач может дать ответ на вопрос о границах между жизнью и смертью. В обычном мире Павел Кукоцкий был за принятие закона об абортах (дабы избежать смертности рожениц от криминальных вмешательств), а в потустороннем мире ему приходится принимать мифологические роды – бесконечные по количеству рожденных.

Улицкая не признает только одной истины, добытой в русле одной религии, и мы находим подтверждения этому в тексте и через введение философии толстовства (и бабушка Елены, и Василиса – ее помощница – остались за мостом, но дальше своего пути не продолжили). Таким образом, мост становится путем к другой истине, к другому миру и измерению, этот мост не дано до конца пройти тем, кто фанатично предан одной идее.

Автор романа, создавая потустороннее пространство, поддерживает идею многоистинного и многомерного мира, она совмещает все лучшее из каждой веры и создает свой, идеальный (и даже космополитичный по своей природе) мир.

Список литературы

1. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли: в 6 тт. – М.: Искусство, 1985. – Т. 1.
2. Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.
3. Шпигельберг В. Пребывание Израиля в Египте в свете египетских источников. – СПб: Издание А. С. Суворина, 1907. – 166 с.